

IRYNA HRYHORIEVA

Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny
Instytut Rusycystyki
Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej
90-226 Łódź
ul. Pomorska 171/173
iryna.tazbir@gmail.com

**НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА
И ЭМОЦИИ ЧИТАТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ *ОГНЕМ
И МЕЧОМ* ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА)****THE NATIONAL CONSCIOUSNESS OF THE
TRANSLATOR AND THE READER'S EMOTIONS:
THE EXAMPLE OF HENRYK SIENKIEWICZ'S
*WITH FIRE AND SWORD***

Данная статья посвящена анализу романа Генрика Сенкевича *Огнем и мечом* и некоторых аспектов его переводов на украинский, русский и английский языки. Благодаря тому, что каждый перевод может быть рассмотрен как самостоятельное литературное произведение, мы можем наблюдать, как меняется (и меняется ли?) интерпретация оригинала в зависимости от культурных ценностей и национального самосознания переводчика. Акцент сделан на авторских и переводческих средствах художественной выразительности, влияющих на эмоции читателя. Кроме того, уделяется внимание тому, как польские исторические реалии переданы в родственных (украинская, русская) и неродственных (английская) культурах. В статье представлены размышления на тему границ компетенций переводчика.

Ключевые слова: эмоции, переводы, включения иностранного языка, архаизмы, латинизмы, интерпретация.

The article is devoted to the analysis of the novel *With Fire and Sword* by Henryk Sienkiewicz and of selected aspects of its translation into Ukrainian, Russian and English. Due to the fact that each translation can be seen as an independent work of art, the present material offers a chance to observe how the original can be interpreted by the translator who relies (or perhaps does not) on his or her cultural values and national consciousness. Emphasis has been put on the author's and translators' artistic techniques which influence the readers' emotions. Attention has also been paid to how Polish cultural phenomena are expressed in the related (Ukrainian and Russian) and non-related (English) cultures. The problem of translators' competence boundaries is considered as well.

Keywords: emotions, translation, foreign intrusions, archaisms, Latinisms, interpretation.

Сегодня все больше ученых выражает мнение, что перевод является самостоятельным литературным явлением, заслуживающим отдельного внимания. Цитируя Божену Токаж, «Przekład artystyczny, choć jest tekstem związanym, żyje samodzielnie jako nowy przedmiot stosunku do oryginału»¹. В статье Вацлава Осадника и Изабеллы Урбан находим очередное подтверждение этой точки зрения:

Teoria wielosystemowa zakłada, że przekład to nie fenomen statyczny, lecz układ dynamiczny, który zależy od wszelkich relacji, w jakie wchodzi jednostki tekstowe w ramach danej kultury, i żywego, ciągle zmieniającego się języka².

В то же время Зигмунд Гросбарт за Андреем Федоровым писал, что мерой хорошего перевода является его правдивость по отношению к оригиналу и высокая художественная ценность³. Андрей Федоров ранее писал по этому поводу:

Принцип адекватности предполагает способность перевода выполнять ту же роль, какую играет оригинал, – быть источником художественного наслаждения⁴.

Божена Токаж в вышеупомянутой книге подчеркивает, что отношения, в которые вступает переводчик, желая приблизить оригинал иноязычному читателю путем добавления в текст культурных элементов, заслуживают отдельного внимания, так как коммуникативный акт – это не только автор, текст и читатель, но еще и важный коммуникативный контекст в лице общественного сознания⁵. Лоуренс Венути под задачей переводчика понимает роль посредника между исходной и целевой культурами, призванного приблизить текст оригинала иноязычным читателям⁶. Таким образом, переводчик является не только творческим медиумом, но также и экспертом в области языка и менталитета представителей целевой культуры. Совершая повторную концептуализацию эмоций, выраженных в оригинале, он подвергает данной концептуализации также свои чувства как читателя, которые обычно являются последствием его двойного культурного самосознания⁷. Именно поэтому, с точки зрения лингвистических и культурных явлений, перевод неизменно представляет собой кладезь для исследователя.

¹ B. Tokarz, *Wzorzec, podobieństwo, przypominanie*, Katowice: Wyd. Śląsk 1998, c. 5.

² W. Osadnik, I. Urban, *Teoria wielosystemowa a kulturowo-obyczajowy aspekt tłumaczenia idiomów*, [в:] *Obyczajowość a przekład*, ред. P. Fast, Katowice: Wyd. Śląsk 1996, c. 181.

³ Z. Grosbart, *O arcytrudnej sztuce przekładu*, Katowice: Wyd. Śląsk 2006, c. 47.

⁴ А. Федоров, *Основы общей теории перевода*, [электронный ресурс] <http://antigtu.ru/521-fedorov-av-osnovy-obschey-teorii-perevoda.html> [25.07.2017].

⁵ B. Tokarz: *Wzorzec...*, c. 102.

⁶ L. Venuti, *The Translation Studies Reader*, London, New York: Routledge 2004, c. 468.

⁷ B. Tokarz: *Wzorzec...*, c. 111.

В данной статье я хотела бы рассмотреть подробнее переводы *Огнем и мечом* (1884) Генрика Сенкевича украинскими, русскими и английскими переводчиками, которые представляют особый интерес, если учесть, что взгляд польского писателя на события XVII века существенно отличается от видения этих событий украинцами или русскими. По этой причине стоит проанализировать, как переводчики на украинский и русский языки справились с задачей сохранить аутентичность текста, независимо от того, что их собственное мнение по поводу произошедших событий в общей истории данных народов может разительно отличаться от мнения автора. Отдельный интерес представляет английский перевод, с точки зрения его отдаленности от польско-украинско-русских исторических реалий. Без сомнения, англичанину куда сложнее было перевести подобное произведение, так как текст насыщен специфической лексикой. Кроме того, нельзя забывать о стилизации под архаичную речь XVII века. Все это представляет немалую трудность и для переводчиков на менее отдаленные от польского восточнославянские языки, не говоря уже о совершенно иной германской языковой группе, к которой относится английский язык.

В данной статье мы уделим особое внимание приемам архаизации текста, переводу специфической лексики, связанной с культурными реалиями, и анализу влияния перевода на рецепцию текста и эмоции читателя. Дословный перевод в этом случае – не лучшее решение, ведь польские определения того или иного явления, очевидные для носителей польского языка и частично понятные украинцам и русским, могут совершенно ни о чем не говорить англичанам, что могло бы негативно отразиться на рецепции текста. Как известно, язык – это отражение бытия народа, а условия развития разных народов часто сильно отличались друг от друга, так что невозможно ожидать полного соответствия словарей даже двух близких языков, например, польского и украинского.

В то же время, так называемые трудности перевода, приводят к оригинальным решениям переводчиков, благодаря чему оригинал наполняется новым смыслом, становится богаче. Перевод дает возможность увидеть произведение сквозь призму собственного национального сознания.

Прежде всего, рассмотрим, каким образом в переводе передана архаизация текста. Генрик Сенкевич жил намного позднее описанного им исторического периода, поэтому использовал некоторые приемы, позволяющие придать произведению атмосферу той эпохи, которая в нем изображена. С целью провести более глубокий анализ, следует обратить внимание не только на лексику, но и на грамматические формы и структуру предложений, которые все вместе создают эффект архаичной речи, а также на то, как эти средства архаизации переданы в переводе и каким образом они могут влиять на эмоции читателей.

Прежде всего, следует обратить внимание на речь персонажей, поскольку именно она наиболее эмоциональна и дает читателям самое полное представление об отношении автора к своим героям.

Как известно, в каждом языке существуют устаревшие вежливые формы и обращения, которые уже не используются и ассоциируются в нашем сознании с манерами из далекого прошлого. В польском оригинале примером таких форм служат почтительные обращения: «wachmistrzu», «waszmość», «mosanie», ласкательное «sokole», в русскоязычном переводе – «вахмистр», «ваша милость», «милостивый государь», «сударь», «сударыня», «милостивая панна», «соколик», в украинском – «вахмістр», «ваша милість», «добродію», «ласкава панно», «соколику», в английском – «Sergeant», «Princess», «my falcon». Эти обращения выполняют также функцию передачи эмоций: выражение почтения, связанного с титулом собеседника. Например, «mosanie» менее почтительно, чем «wasza miłość», в свою очередь, «sokół» выражает не только ласку, но и восхищение чьей-то отвагой и ловкостью. В романе Сенкевича «sokole» используется при обращении к Богуну, которому нельзя отказать в этих достоинствах. Архаизация текста выражается в использовании инверсии наряду со сложными иносказательными синтаксическими конструкциями. В украинском переводе авторства Евгения Литвиненко, опубликованном в 2006 году, читаем:

Одначе даруйте мені ваша милість, що я належної не висловив удячності за *auxilium* і успішний порятунок, які мене від такої несподіваної смерті вберегли. Мужність ваша покрила необачність того, хто від людей своїх одтрутився; та вдячність моя від самовідданості твоєї не менша⁸.

В русскоязычном переводе Асара Эппеля, предоставленном читателям в 1990-е годы, инверсия и иносказательность тоже соблюдены:

Однако прости мне, ваша милость, что я надлежащей не выразил благодарности за *auxilium* и успешное спасение, каковые меня от столь неожиданной смерти упасли. Мужество твое, ваша милость, покрыло неосмотрительность того, кто от людей своих отдалился; но благодарность моя самоотверженности твоей не меньше⁹.

Англоязычный перевод Джереми Кертина, выполненный в 1898 году, в этом отношении отличается, так как английский язык не допускает произвольного порядка слов в предложении и имеет намного менее обширную систему личных окончаний частей речи, поэтому отсутствие инверсии и устаревших флексий компенсируется сложными грамматическими конструкциями в стиле писателей викторианской эпохи, под конец которой перевод был выполнен:

⁸ Г. Сенкевич, *Вогнем і мечем*, перевод с пол. Evgen Litwinenko, Ternopil: Bohdan 2006, [электронный ресурс] <https://coollib.com/b/312367/read> [14.09.2017].

⁹ Г. Сенкевич, *Огнем и мечом*, перевод с пол. А. Эппель, Юна 1995, [электронный ресурс] http://loveread.ec/read_book.php?id=11723&p=1 [14.09.2017].

I should like to know first if I have to do with a noble man; for though I have no doubt you are one, still it does not befit me to accept the thanks of a nameless person¹⁰.

Кроме того, используются архаичные местоимения и личные окончания, отсутствующие в современном английском языке: «Thou soarest high, Though seest far»¹¹, что на современный английский язык можно перевести как «You fly high, you see far». Фраза «The princess **are** not at home»¹² так же служит примером архаизации в английском языке, поскольку в современном английском соответствие формы глагола и числа подлежащего строго соблюдается.

Кроме того, в русскоязычном тексте наблюдается использование устаревших форм некоторых современных слов: «каковые» вместо «которые», «ибо» вместо «потому что», «други» вместо «друзья», «сказавши», «спросивши» вместо «сказав» и «спросив» соответственно. Для передачи архаизации используются слова в их устаревшем значении: «Година судная грядет в Дикое Поле, а когда нагрянет, задивиться весь світ божий. Наместник, озадаченный словами странного **мужа** [полужирный шрифт здесь и дальше мой – И. Х.], машинально взял перстень»¹³. Конечно, муж в данном контексте означает вовсе не супруга, а мужчину, что характерно для архаичной речи и придает реплике эмоциональность, связанную с использованием патетического слога, который, в свою очередь, придает сцене дополнительную серьезность и значимость. Решение переводчика сохранить аутентичную украинскую лексику, наблюдаемую в высказывании Богдана Хмельницкого, что придает этой фразе национальный колорит, удачно. Благодаря этому, перевод иллюстрирует угрозу, связанную с национальностью неизвестного Скшетускому человека. Это подпитывает воображение читателя: он ощущает беспокойство, потому что чувствует, что должно случиться нечто страшное.

Можно заметить, что в русскоязычном переводе сохранены некоторые историзмы, связанные с польской культурой, которые помогают передать атмосферу оригинала. Примером таких историзмов являются «жолнер» и «шляхтич»: «Бесчестишь добрых **жолнеров** подозрением»¹⁴ или «И не ошибаешься ты, сударь, и ошибаешься; не ошибаешься, потому что искал я знакомых, однако, называя их татями, ошибаешься, ибо это слуги некоего **шляхтича**, моего соседа»¹⁵.

¹⁰ H. Sienkiewicz, *With Fire and Sword*, перевод с пол. J. Curtin, Gutenberg Ebook, [электронный ресурс] <http://www.gutenberg.org/ebooks/37027> [20.06.2017].

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Г. Сенкевич, *Огнем и мечом...*, [14.09.2017].

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

Несомненно, если бы переводчик употребил вместо вышеупомянутых слов русские аналоги: «солдат», «аристократ», связь перевода с польской культурой значительно бы ослабела, а значит, изменилось бы восприятие текста.

Часто встречаются и латинизмы, в основном, в разговорах шляхты, что призвано подчеркнуть их образованность и высокий уровень культуры. Вот лишь некоторые примеры: «Co tam Anusia! Wróćże sobie do niej — *non prohibeo*»¹⁶, «Czy waszmość wie, że są listy hetmańskie przykazujące Chmielnickiego łapać i *in fundo zadzierżyć*»¹⁷, «Jak to, mości panowie? *Quatuor articuli iudicii castrensis: stuprum, incendium, latrocinium et vis armata alienis aedibus illata* – a czyż nie była to właśnie *vis armata*?»¹⁸, «Bo to jest książka żołnierska, gdzie obok modlitw rozmaite *instructiones militares* są przyłączone»¹⁹. Латинизмы тоже придают речи героев большей патетики, иногда придавая высказываниям героев оттенок иронии.

Следует также обратить внимание на способ передачи англоязычными переводчиками специфической польско-украинской лексики. В некоторых случаях подбирались существующие соответствия, но чаще использовалась транслитерация. Это может несколько уменьшить стройность фраз, но, несомненно, звучит экзотически для уха англоязычных читателей, что, в свою очередь, побуждает интерес к культуре, столь непохожей на их собственную. Примером таких решений являются слова типа «Cossack» (укр. козак), «pan» (укр. пан), «goryilka» (укр. горілка). Имена героев и географические названия тоже переданы с помощью транслитерации: Hmelnitski, Pereyaslav, Chigirin, Cherkassi, Jóltyia Vodi, Korsún.

Определенную трудность для украинских переводчиков представляет собой передача предвзятого отношения автора к казачеству и к крестьянам, которое зачастую выражено крайне нелестно. Это проявляется в нарочито неумелом пародировании украинской речи, которая в исполнении героев Сенкевича зачастую выглядит вульгарной карикатурой на польский язык, что в действительности не является правдой, и, кроме того, утрированно однобоким описанием примитивного образа жизни казаков и сельских жителей и их низменных инстинктов. Однако в данной статье мы анализируем рецепцию романа только в той мере, которая необходима, чтобы ощутить влияние средств перевода на восприятие текста. Рассмотрим один из таких спорных фрагментов. В романе Сенкевича читаем:

¹⁶ H. Sienkiewicz, *Ogniem i mieczem*, Warszawa: Państwowy Instytut wydawniczy 1974, [электронный ресурс] <http://wolnelektury.pl/katalog/lektura/ogniem-i-mieczem/> [14.09.2017].

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Cały rynek był zapchany wielkimi siwymi wołami pędzonymi ku Korsuniowi dla wojska, a przy wołach szedł mnogi lud pastuszy, tak zwani czabanowie, którzy całe życie w stepach i pustyniach spędzali – **ludzie zupełnie dzicy, nie wyznający żadnej religii...** **Spostrzegales między nimi postacie podobniejsze do zbójów niż do pasterzy, okrutne, straszne, pokryte lachmanami rozmaitych ubiorów**²⁰.

В украинском переводе читаем:

Уся площа була забита могутніми сивими волами, котрих переганяли в Корсунь для війська, а при волах перебував численний пастуший люд, так звані чабани, що все своє життя перебувають у степах і пустелях, – **люди зовсім дикі й не сповідують ніякої релігії...** **Між них кидались у вічі постаті, скоріше схожі на душогубів, аніж на пастухів, звіроподібні, страшні, в дранті найрізноманітніших строїв**²¹.

Как видим, переводчик передал идею отрывка, подобрав эквиваленты в украинском языке, без каких-либо попыток смягчить смысл высказывания, оставив интерпретацию на волю читателя.

В русскоязычном варианте наблюдаем похожую ситуацию:

Вся площадь была забита могучими сивыми волами, которых перегоняли в Корсунь для войска, а при волах состоял многочисленный пастуший люд, так называемые чабаны, всю свою жизнь проводившие в степях и пустынях, – **люди совершенно дикие и не исповедовавшие никакой религии; Меж них бросались в глаза фигуры, скорее похожие на душегубов, нежели на пастухов, звероподобные, страшные, в лохмотьях всевозможного платья**²².

Хотелось бы отметить, что использование архаичного слова «душегуб» придает тексту сильную негативную эмоциональную окраску, так как вызывает ассоциации с массовыми жестокими убийствами.

Англоязычный перевод в этом отношении более нейтрален, выполнен в сдержанной английской манере, возможно, ввиду отсутствия в этом языке такого разнообразия оскорбительных эпитетов:

The whole square was thronged with great gray oxen on the way to Korsún for the army; and with the oxen went a crowd of herdsmen (Chabani), who passed their whole lives in the steppe and Wilderness, – **men perfectly wild, professing no religion...** **Among them were forms more like robbers than herdsmen, – fierce, terrible, covered with remnants of various garments**²³.

Следует отметить, что англоязычная версия могла бы быть более эмоциональной, если бы переводчик использовал перед прилагательными такие наречия, как: «extremely», «absolutely» или «utterly».

²⁰ Там же.

²¹ Г. Сенкевич, *Вогнем і мечем...*, [14.09.2017].

²² Г. Сенкевич, *Огнем и мечом...*, [14.09.2017].

²³ H. Sienkiewicz, *With Fire and Sword...*, [14.09.2017].

Проанализировав вышеупомянутые отрывки, можем сделать следующие выводы. Польский оригинал, а также украинский и русский переводы, вероятно, имели цель вызвать сильные эмоции у читателя, такие как солидарность с автором, либо, напротив, категорическое несогласие с его позицией (на что автор, возможно, не рассчитывал).

Вторая реакция характерна прежде всего для украинского читателя, который понимает причины восстания Богдана Хмельницкого совершенно иначе, а именно как реакцию народа на притеснения шляхты. В этом случае мы наблюдаем ситуацию, которую Божена Токаж охарактеризовала следующим образом, описывая основные трудности при переводе текстов: «Przeszkodę stanowiła więc potencjalna świadomość społeczna odbiorcy przekładu w większym stopniu, niż ograniczenia języka»²⁴.

В то же время английский перевод в этом отношении несколько отличается. Несмотря на использование негативных эпитетов «fierce» і «terrible», по сравнению с переводами на украинский и русский языки, они не звучат более сдержанно и, очевидно, не могли вызвать у англоязычного читателя равных по силе эмоций.

В заключении, можем сделать следующие выводы.

Во-первых, столь противоречивые с точки зрения исторической памяти разных народов произведения как *Огнем и мечом* Сенкевича представляют задуматься о компетенциях переводчика. Имеет ли он право добавлять к тексту оригинала нечто от себя, и в какой степени он может себе это позволить? Предполагаем, что ответ на этот вопрос еще долго будет предметом дискуссий, но на основе выполненного анализа видим, что свобода переводчика заканчивается там, где начинаются необратимые изменения в тексте оригинала.

Во-вторых, допуская, что приоритетной задачей переводчика является адаптация текста литературного произведения для читателей иной культуры, можем сделать вывод, что перевод является так же интерпретацией текста, выполненной читателем, который находится под воздействием определенных эмоций, вызванных текстом перевода и отношением к историческим событиям, которое утвердилось в его культуре.

В-третьих, выполненный анализ доказывает, что не только слова, имеющие сильную эмоциональную окраску, могут вызывать у читателя определенные эмоции. Архаизмы, которые чаще всего рассматриваются лишь в контексте перевода историзмов, также могут играть важную роль в формировании эмоциональной картины текста. Такую же функцию могут выполнять и слова, взятые из других языков, например, латинизмы.

В-четвертых, при анализе переводов стоит обратить внимание не только на лексические средства выражения эмоций, но и на грамматические, которые позволяют интерпретировать текст на более глубоком уровне.

²⁴ B. Tokarz, *Wzorzec...*, с. 101.

References

- Bukowski, Piotr, Heydel, Magda. *Współczesne teorie przekładu*. Antologia. Kraków: Znak, 2009.
- Fedorov, Andrey. *Osnovy obshchey teorii perevoda*. Sankt-Peterburg: Filologicheskii fakultet SPbGU, 2002. <http://antigtu.ru/521-fedorov-avosnovy-obshchey-teorii-perevoda.html>.
- Gasparov, Mikhail, Avtonomova, Natalya. *Sonety Shakespeara – perevody Marshaka*. Sankt-Peterburg, 2001. <http://www.philology.ru/linguistics1/gasparov-01f.htm>.
- Grosbart, Zygmunt. *O arcytrudnej sztuce przekładu*. Katowice: Śląsk, 2006.
- Osadnik, Waclaw, Urban, Izabella. *Teoria wielosystemowa a kulturowo-obyczajowy aspekt tłumaczenia idiomów*. In: *Obyczajowość a przekład*, ed. P. Fast. Katowice: Śląsk, 1996.
- Sienkiewicz, Henryk. *Ogniem i mieczem*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1974. <http://wolnelektury.pl/katalog/lektura/ogniem-i-mieczem/>.
- Sienkiewicz, Henryk. *Ogniom i mechem*, transl. by Assar Eppel, Yuna, 1995. http://loveread.ec/read_book.php?id=11723&p=1.
- Sienkiewicz, Henryk. *With Fire and Sword*, transl. by Jeremiah Curtin. Boston: Little, Brown and Company, 1904. <http://www.gutenberg.org/files/37027/37027-h/37027-h.htm>.
- Sienkiewicz, Henryk. *Wognem i mechem*, transl. by Evgen Litvinenko. Ternopil: Bohdan, 2006. <https://coollib.com/b/312367/read>.
- Tokarz, Bożena. *Wzorzec, podobieństwo, przypominanie*. Katowice: Śląsk, 1998.
- Venuti, Lawrence. *The Translation Studies Reader*. London, New York: Routledge, 2004.